

— В сезон зимней рыбалки 1976-77 годов я уже практически не ездил с ночёвками к Кореньковым. Отчасти, быть может, потому, что с Юрой у меня отношения несколько охладелись (об этом отдельно позже), но в большей степени, видимо, потому, что мотороллер хандрил, стал совсем ненадёжным. Прошлым летом пришлось менять подшипники заднего колеса - оказались измолоченными, и я с такими ездил, пока Николай Николаевич Дорофеев, наш умелец из кирхи, владелец такого же "Туриста", не попросил прокатиться, после чего удивлялся, как я себе ещё шею не сломал на таком транспорте. Совсем скис аккумулятор (я даже перебрал пластины, но большинство уже необратимо разрушилось), а новый я не мог достать. Короче, ездить на мотороллере хоть и можно ещё было, но радости такая езда доставляла мало, даже летом. Чего уж тут про зиму говорить.

— Я мечтал о мотоцикле с коляской и потихоньку готовил морально Сашулю к возможной трате наших сбережений, внушал ей, что это было бы очень неплохо не только для моих рыбалок, но и для всей семьи. В мае прошлого года обсерватория получила огромную по сравнению со всеми предыдущими временами премию за выполнение "Каштана", из которой мне вышло более 600 рублей, а Сашуле более 200. Поскольку в отпуск мы в тот год никуда не ездили и никаких крупных покупок не делали, то почти все эти деньги удалось сохранить, а это уже была цена "ИЖ"а без коляски, так что осталось только на коляску накопить.

— Ну, а пока я приспособился ездить на рыбалку на пригородном дизельном поезде, именуемом в просторечии просто дизелем, Калининград-Мамоново до Соснового Бора или Валетников - так калининградцы именовали остановку Приморский Новый по созвучию с немецким наименованием этого места. Сосновый Бор - это следующая за Ладушкиным остановка по железной дороге на Мамоново, в трёх километрах от Ладушкина, а Валетники - следующая за Сосновым Бором, километрах в четырёх от него.

— К заливу дизель на обеих этих станциях подходит очень близко - от остановки до берега минут десять пешего ходу, и большинство калининградцев - любителей рыбалки, не имеющих собственных транспортных средств, ездят за судаком и корюшкой на этом дизеле, который зимой пускают спаренным составом, чтобы вместить всех желающих, - и то по выходным вагоны битком набиты рыбаками.

— Впечатляющая картина, когда вся эта толпа в несколько сот человек вываливается с пешнями, мешками, санками из поезда и вытягивается в длинную колонну, которая сохраняет своё единство на расстоянии километра в два от берега, а затем начинает редеть, рассредоточиваться, вот кто-то уже сбрасывает рюкзак и долбит или вертит лунку - на корюшку, в нескольких местах образуются скопления корюшатников, ещё через пару километров только отдельные группы видны то там, то здесь по заливу, потом залив как будто совсем пустеет, а ещё через два километра снова встречаются разбросанные скопления людей по двое-трое-четверо - это уже судаковые места.

— А к вечернему дизелю, семичасовому, на подходе к берегу формируется обратная людская струя. На остановке поезда обширный бивуак, пьют чай из термосов, жуют взятые с собой бутерброды, кое-где выпивают, но немногие. Зимой спиртное брать с собой на рыбалку опасновато, и уж если пьют, то на твёрдой земле, вернувшись, в ожидании дизеля.

— А разговоры в толпе! Туда идут - обсуждают, куда лучше идти, где, как в прошлый раз ловилось. Обратно - делятся впечатлениями, переживают всё по новой. Удачливые хвастаются, большей частью сдержанно - взял, мол, четырёх. Рассказывают про каждую поклёвку, про каждый сход. Выясняется, опять не туда ходили, вон куда надо было - так кто ж его знал! Или - всего полкилометра не дошли! Или перешли. Настроение с утра праздничное, когда туда ещё идут. Вечером же - у кого как. Все усталые, а насколько довольные - это уж как кому повезло, или кто как сумел.

Из Соснового Бора в ледовые дали

Я с разборной пешней и санками, рюкзаком и валенками на них. Проверяю свежий (незаснеженный) лёд пешней.

— Когда мотороллер был на ходу, имело смысл ездить ночевать в Ладушкин, где мотороллер хранился в сарае, за которым надзирал Кореньков. С мотороллером не привязан к расписанию дизеля, мобильность на заливе не та, что у пешего, не так устаёшь. А без своего транспорта от Ладушкина до залива только 35-40 минут топтать, да по льду ещё час - полтора, так что уж лучше дизелем ехать сразу от Калининграда до Соснового Бора или Валетников. К тому же заразился судаками Серёжа Лебле, компаньон более азартный, чем Кореньков, и я стал ездить преимущественно с ним на дизеле. Кроме Серёжи из университета регулярно ездили за судаком тем же дизелем Женя Кондратьев и два Володи, тоже с физфака, с которыми я раньше не был знаком, - Хорюков и Таранов, неразлучная пара. Как выяснилось, настоящие асы не только судаковой, но и разной другой рыбалки.

— Эти двое и подбили меня как-то поехать на рыбалку не девятичасовым, как обычно, дизелем, отправлявшимся с Южного вокзала в 8.50 утра, а пятичасовым.

— В темноте как раз потихоньку к Балтийску подойдёшь, на самые судаковые места, а на зоре, знаешь, как судак берёт, - не то, что днём!

— Сами они в тот раз, правда, не поехали, у них в субботу занятия были в университете, а я решился, поскольку в этот раз мне надо было поймать судака обязательно - в

понедельник приезжала тёща, привозила Митю на побывку, и хотелось, чтобы к встрече свежая рыбка была.

— В первый раз я шёл по ночному заливу. Звёзд не было видно, но огни маяка, Приморска и Балтийска мерцали на горизонте, позволяя ориентироваться. Таких энтузиастов раннего выхода на лёд оказалось со всего дизеля человек пятнадцать. Кстати, на пятичасовой дизель от дома ничем не подъедешь, транспорт ещё не ходит, и мне пришлось в полном снаряжении с санками топать 35 минут от дома до вокзала.

— По льду шли с фонариками. На льду было много трещин, которые в темноте возникали внезапно. Они были затянуты свежим тоненьким ледком, провалиться сквозь который ничего не стоило. Но народ шёл, чувствовалось, привычно и быстро. На главных судаковых местах под Балтийском оказались ещё затемно, и в потёмках группа рассеялась кто куда по своим ориентирам.

— Я продолбился на первом попавшемся месте, стал вычерпывать шугу - ледяное крошево. Черпаю, черпаю, - не кончается. Плюнул, стал прямо в шугу опускать блесну. На метр опускается, а дальше не идёт. Понял я, что врубился в торосы: лёд на лёд, а между ними шуга. Надо менять место, но где эти торосы кончаются? После неоднократных оттепелей и метелей поверхность льда выровнялась, и поверху границу торосов не разглядеть. Попробую всё же здесь пробиться. Лёд толстый, и новую лунку пробить - тоже дело не быстрое.

— Стал долбить нижний лёд, и вдруг - бац! - в руках у меня осталась только деревянная ручка моей разборной, свинчивающейся из трёх колен пешни. Поскольку нижний лёд я ещё не пробил, ясно было, что железяка моя на нём и лежит, а ко дну не ушла. Стал я пробовать её достать. Снял полушубок, засучил рукава свитера и рубашки по самое плечо и начал в воде, точнее, в шуге рукой шарить, но нижнего льда не достаю.

— Черпаком тоже не достаю. Стал привязывать черпак к ручке пешни - удлиняться! - думал, авось подцеплю как-нибудь, да ничего не вышло, только рукава зря намочил. За этим занятием я и провёл зорю. Давно уже было светло, а у меня ни готовой лунки, ни пешни нет.

— И главное, рядом никого, все разошлись кто куда, попросить пешню не у кого. Вдалеке вон виднеются рыбаки, да пока дойдёшь! Пошёл я обратно, решил в трещине попробовать половить, благо в трещине лёд ногой пробить можно. Вышел я на недавно разошедшуюся и ещё не замёрзшую трещину, ничего и пробивать не требовалось. Часа два я блеснил, передвигаясь вдоль трещины, но поклёвок не было, умудрился только ноги промочить. Я был в валенках, но галоши снял, в них ноги жало, а лёд везде был сухой. Везде, да не совсем. У трещины вода разошлась под снегом и не замёрзла. Я в валенках потоптался на одном месте и промочил их.

— Но на этом мои несчастья не кончились. По дороге я сумел ещё и крагу одну мотоциклетную потерять (зимой на рыбалке краги на руки - самая удобная вещь, легко снимаются и одеваются, не промокают, защищают рукава от поддува). Когда руки разогрелись, я вместо того, чтобы сунуть краги, как обычно, за пазуху, бросил их на рюкзак, притороченный к санкам, а потом забыл про них, поволок санки, и одна крага свалилась. Я пытался её искать, но, видимо, поздно спохватился, далеко ушёл, а возвращаться уже сил не было.

— Я надеялся ещё наловить хотя бы корюшки, но мне и здесь не повезло. Корюшка клевала очень плохо, штук десять всего поймал за оставшееся до дизеля время. Окончательно растравил мне душу мужик, бегавший за судаком на какие-нибудь полтора часа, пока я сидел на корюшке, и поймавший за это время трёх судаков в той же трещине, в которой безуспешно пытался ловить я. Так что итогами моего выезда на рыбалку пятичасовым дизелем явились: утопленная пешня, мокрые рукава и валенки, потерянная крага, десять корюшек и ноль судаков.

— Вечером ко мне пришёл Серёжа с предложением поехать завтра, то есть в воскресенье, на рыбалку снова, может с ним, мол, повезёт. Мне, правда, в тот вечер и

думать-то о рыбалке было тошно, а всё же я согласился, но только на корюшку. И на следующий день мы с ним поехали в Сосновый Бор, только не в пять утра, а, как обычно, на 8.50.

— С корюшкой нам повезло. За каких-нибудь два часа мы поймали штук по сорок, а потом клёв резко ослаб. И мы не утерпели - пошли дальше, за судаком, хотя бы просто посмотреть обстановку. У нас на двоих даже одной пешни не было, Сережа всё иждевенствовал, я свою утопил. Дошли до ближайшего скопления судачников, попросили пешню, продолбились, уселись. Я после вчерашнего похода ещё не отоспался и теперь дремал над лункой. Ни у кого не клевало. И вот в такой неподходящей вроде бы обстановке я выловил сначала крупного окуня, а потом и судака на полтора килограмма. Так что к тётчиному приезду и на уху, и на жарёху, и на заливное рыба была.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)